

# РАСПЯТЫЙ АПОСТОЛ

ТРИ МОСКОВСКИХ ДОМА,

В КОТОРЫХ НАСМЕРТЬ ПЕРЕПЛелись ЛЮБОВЬ И ТРАГЕДИЯ ПОЭТА



# О

Он родился 130 лет назад. Застрелился в 36.

Жизнь его описана

вдоль и поперек: от подпольных кличек Длинный, Кленовой до мыльницы, которую носил в кармане из-за боязни заразы, от громких поэтических ристалищ — до перечисления «любостей» и «любвишек», от борьбы «за революцию» — до привычек и быта.

«Он не любил книг, — вспомнит его знакомый, — имел идиосинкразию к... иностранным языкам; не пил водку; был левшой; никогда не носил ничего шелкового; любил белые воротнички; имел... личного повара и шофера. Он... никогда не был естествен. «Человек-одиночка, он все превращал в спектакль с одним действующим лицом — собой».

Но вот ведь штука — есть одна фраза, сказанная им в 19, когда «спектакль» этот только начинался, фраза, которая, кажется, согласуется и с его самоубийством, и с нынешним днем. Он выкрикнул ее, подпрыгивая от радости: «Входите в книжный магазин, — выпалил друзьям и любимой девушке: — «Дайте стихи Маяковского» — «Стихов нет — были, да все вышли»...»

Слова эти прозвучали за трехстворчатым окном второго этажа дома № 4 на Большой Садовой, мимо которого все мы проходили миллион раз. Там 5 мая 1913 года поэт разворачивал привезенные из типографии пачки с первым сборником стихов. Тираж 300 экз. Ну и что? Зато книга гордо, чтобы не сказать круче, называлась — «Я»! Первой буквой его «спектакля» и — увы — последней алфавита.

Ныне я знаю 15 адресов, где жил или оставался Маяковский в Москве. Все они в моем Атласе — «Литературная Москва. Домовая книга русской словесности, или 8 тысяч адресов прозаиков, поэтов и критиков (XVIII–XXI вв.)».

Но нынешний рассказ всего о трех домах, где сам он как раз не жил, но без которых невозможно уже представить его судьбу.



**«ТРИ АРШИНА ЗАКАТА»**  
(Большая Садовая, 4)

Двухэтажный дом этот знаменит уже тем, что его построил для себя архитектор Федор Шехтель, тот, кто возвел здания МХАТа, Ярославского вокзала, особняк Рябушинского на Малой Никитской, который Сталин подарил Горькому, да и нынешний, к слову, театр им. Вл. Маяковского. Позже в этом доме будет жить до 1925 г. командарм 1-го ранга Иона Якир, а следом на два года поселится комкор, начальник Академии им. Фрунзе и, представьте, прозаик (до 1937 г. председатель латышской секции Союза писателей) Роберт Эйдеман. Оба, как известно, будут расстреляны. И, по слухам, кстати, с 1930-х именно в это здание въедет райотдел НКВД и обширный подвал дома, куда мне доводилось спускаться, станет временным застенком для арестованных.

Но пока, с 1909 года, в этом доме, заполненном картинами, тобеленами и статуями, будет жить Шехтель, его жена и трое детей: Екатерина, Лев и Вера. Вот в 16-летнюю Веру-то и влюбится в 1913-м 19-летний Маяковский.

Началось все с дружбы поэта с ее братом Львом, который учился с Маяковским в Училище живописи, ваяния и зодчества. Уже поэта, я не оговорился. «Дядде» Маяковскому, возникшему здесь в широкополой шляпе и выглядевшему как «сицилийский мафиози», за спиной которого были уже и первый арест в 14 лет, когда он, дабы не выдать явок большевиков, сжевал в камере весь блокнот, и вступление в РСДРП в 15, и снова два ареста, и, наконец, грозный рык Давида Бурлюка на Сретенке осенью в 1912-м:

«Ночь, — вспомнит поэт. — Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывнул: «Да это ж вы сами написали! Да вы ж гениальный поэт!» В тот вечер я стал поэтом».

«Я»

Впечатлительная Вера запишет 5 марта, в день знакомства: «Был у нас Маяковский, мне было очень странно познакомиться с ним; я часто и даже сегодня встречала его в трамвае... Он футурист — светский человек, одним сло-



КОГДА ОБРАЗОВАЛАСЬ КОМПАНИЯ ИЗ СТУДЕНТОВ УЧИЛИЩА, ТО ЗА ТРЕХСТВОРЧАТЫМ ОКНОМ НА САДОВОЙ, 4 СТАЛО ВЕСЕЛО И ШУМНО. «ХОРОШЕНЬКАЯ ВЕРОНЬКА» ВСЕ ЗАНОСИЛА В ДНЕВНИК



\*1  
Владимир Маяковский.  
1910 г.

\*2  
Большая Садовая, 4.  
Здесь Маяковский почувствовал себя поэтом.

\*3  
Регистрационная карточка Московского охранного отделения, составленная на Владимира Маяковского после его ареста в 1908 году.

вом, моего лагеря. Люблю интересных людей». А когда образовалась компания из студентов училища (художники Вася Чеккрыгин и тот же Бурлюк), то за трехстворчатым окном стало и весело, и шумно. Смеялись, острили, интересничали. «Хорошенькая Веронька», как назвал ее поэт, все заносила в дневник. Говорили о знакомой женщине, и кто-то заметил, что у нее «опасный возраст». «Да-да, — бухнул Бурлюк, — опасно, что скоро умрет». Не без ревности отмечала Вера рассказ беззубого, как пишут, с «гнилыми зубами» Маяковского про какую-то барышню, которую он в шутку целовал, и улыбулась выравнявшейся тут же остроте его: «У меня на нее большая губа не поднимается». И за компанию смеялась двусмысленности его «Чем богаты, тем и рады», когда ее подруга хотела сесть на колени Леву, а тот поставил на коленку карандаш.

Сейчас в этой комнате канцелярские столы, компьютеры, какие-то полки, папки, провода. А тогда, 17 марта, после совместной прогулки в Петровском парке, где на сохра-

нившейся фотографии Маяковский в шляпе, с черным галстуком и папиросой во рту тянет Веру к себе за конец шарфа (и галстук, и папироса та, выпрошенная у поэта, и весь дневник ее — всё ныне в музее его!), вся безбашенная компания решила вдруг самостоятельно выпустить его первую книгу. Купили светочувствительную бумагу, и Чекрыгин красивым почерком стал переписывать стихи, а Лева и Вера — рисовать иллюстрации. На обложке изображали желтый бант. «Костюмов у меня не было, — скажет Маяковский. — Были две блузы гнуснейшего вида... Взял у сестры кусок желтой ленты. Обязался. Фурор...»

Так появилась и знаменитая блуза его «из трех аршин заката».

Верстку «Я» отвезли в кустарную типографию, где за 30 рублей ее взяли отпечатать. «Вышла корректура, — заносит в дневник Вера. — Был Маяковский, он остриг свою гриву. К нему это не особенно идет...» А когда привезли тираж, тогда Маяковский и запрыгал по комнате на одной ноге. «Это, — заканчивает Вера, — казалось настолько нереальным, необычайным, что... он, а за ним и все мы хохотали невероятно...»

\*4

Вера Шехтель и Владимир Маяковский. 1913 год.

\*5

Вера Шехтель. Маяковский и Иван Великий. Фотомонтаж. 1913 год.



### Вера

От того времени сохранились фотографии еще подмосковного Кунцева (дачи Шехтелей), на которой Вера нарисовала силуэт поэта и приписала: «Лето 1913 г. Памятное место свиданий», да ее акварель от 1916 года с надписью: «Куцево. Проклятое место»... То есть «эта лошадь кончилась...», как любил потом говорить поэт, когда бросал очередную из женщин.

Но и сам он, вернувшись в Москву в 1918-м, «с целым рядом молодых писателей, учредивших культурно-просветительную комиссию при

московской чрезвычайке», тоже во многом кончился. Какие там «три аршина заката»? «Однажды мне пришлось с ним встретиться, — вспоминает знакомая его. — Он изумил меня. И не столько роскошной шубой, уверенным выражением поповского лица, сколько улыбкой блестящих, великолепных зубов. Вероятно, он подметил это мое изумление, так как сразу брякнул: — Вас удивляют мои зубы? Да... революция тем и хороша: одним она вставляет новые, чудесные зубы, а другим безжалостно вышибает старые!..»

А Вера? Что Вера? В 1926-м похоронит в крайней бедности отца и будет жить на Малой Дмитровке, 25, со вторым уже мужем, ученым секретарем Госплана Тонковым. Ему в 1932-м родит сына Вадима, того самого, кого мы помним по комичной роли Вероники Мавриковны в советском «телеке».

Грустно все это, друзья! Но хорошо, что пока еще — не страшно.

### ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ (Малый Головин, 12)

Страшно станет в последнюю ночь поэта. Вообще последнюю. Он проведет ее в этом доме, где жил в 1930-х Валентин Катаев. Дом был снесен в 2000-х, но я его еще застал. Сюда поэт ввалился после девяти вечера 13 апреля 1930 года (Катаев позвал на «картишью») и сюда же пришла его последняя любовь — актриса Вероника Полонская.

У него помимо Веры Шехтель было много «любовей». С Евгенией Ланг, Соней Шамардиной

(она сделала аборт от него), Марией Денисовой, в 1917 г. с Антониной Гумилиной (она выбросится из окна из-за него), с Лилией Лавинской, Шурой Богданович, Натальей Хмельницкой и Натальей Брюханенко, с Зинаидой Гинзбург и Зинаидой Свешниковой, с Адель Судакевич, с какой-то Асей в Париже, с Элли Джонс в Америке, которая родит ему дочь, наконец, с Татьяной Яковлевой и вот — с актрисой МХАТа Норой Полонской. Это только те романы, что известны биографам. Правда, Мария Розанова, жена Синявского, уже ныне съязвит: «У Маяковского, — скажет, — было три любви — Лилия, революция и Ленин, и все безответные: Лилия изменяла ему с кем попало, революция — с бюрократией, Ленин — с Надсоном».

Ленин, кстати, в разговоре с Валентиновым, куда как жестко отзовется о нем: назовет его «шутком гороховым», творчество — «штукарством» с наклейкой «революция», и скажет — «не уверяйте нас, что он на три головы выше Беранюке».

**Вероника**

Вероника, которую поэт любил уже второй год (пишут, что Лилия Брик подстроила, «подвела» ее, 20-летнюю, к поэту, чтобы удержать его «при себе»), пришла на Головин с мужем, актером Яншиным, пришла, как пишет Катаев, хорошенькая до невозможности: «белокурая, с ямочками на розовых щеках, в вязаной тесной кофточке с короткими рукавчиками — тоже бледно-розовой, что придавало ей вид скорее... юной чемпионки по пинг-понгу, чем артистки». До этого Маяковский, больной, гриппозный, в глубокой депрессии (только что провалилась его пьеса «Баня» у Мейерхольда, в те же дни никто не пришел на его выставку «20 лет работы», хотя он ждал правительства и самого Сталина, плюс к этому его вдруг не выпустили в Париж, он стал «невъездным» и знал, что бывает с тем, «кто как все», а кроме того, с ним порвали многие друзья из-за его вступления в РАПП), так вот до этого он сам выбирал с Катаевым — кого пригласить в эту ночь на «карты».

Позвали актера Ливанова, художника Роскина, вроде бы Олену (так помнит Полонская),



**В ТОТ ВЕЧЕР МАЯКОВСКОМУ НУЖНА БЫЛА ЛИШЬ ПОЛОНСКАЯ, С КОТОРОЙ НАКАНУНЕ ОН КРУПНО ПОССОРИЛСЯ. КАРТЫ — ПРЕДЛОГ, ХОТЯ МЫ ЖЕ ЗНАЕМ: ПОЭТ БЫЛ ЗАВЯТЫМ ИГРОКОМ**



и втайне от поэта Катаев пригласил журналиста Васю Рeginина. Катаев подчеркнет потом «случайность» вечеринки, «непреднамеренность» ее, а на деле «случайным» был приход лишь Рeginина. Уже в наше время исследователь самоубийства поэта Валентин Скорятин задастся вопросом: зачем тот позвал Рeginина? «Для того чтобы он подтвердил «экспромт» с застольем? Или для того, что кому-то нужно было знать, где будет ночевать поэт 14-го». На Гендриковом, где жил с Бриками, или в Лубянском проезде? «Мне ясно, — пишет, — поэта, что называется, «вели» и вечеринка предстает уже далеко не безобидной».

Впрочем, Маяковскому нужна была лишь Полонская, с которой накануне он крупно поссорился. Карты — предлог, хотя мы же знаем: поэт был завятым игроком. Карты, кости, бильярд, пинг-понг, бириульки, городки, даже номера трамваев, на которые загадывал, — он играл во все. Но здесь, может, впервые, карты были всего лишь поводом.

Катаев с Маяковским устроились на корзине из-под белья, покрытой шкурой бурого медведя. «Память моя почти ничего не сохранила, — пишет в «Траве забвенья» Катаев, — кроме большой руки Маяковского, его нервно движущихся пальцев... которые машинально погружались в медвежью шкуру и драли ее, скубали, вырывая пучки сухих бурых волос, в то время как глаза были устремлены через стол на Нору». Роскин вспомнит: поэт «был молчалив, мрачен, лишен остроумия. Мы сели за стол... Начали пить шампанское. Маяковский не пил, выпнул записную книжку, вырвал лист и через меня передал



\*6  
Малый Головин, 12.  
Дом его последней любви.

\*7  
Вероника Полонская  
в снятом Лилей Брик  
фильме «Стекло  
глаз». 1928 год.

его Полонской...» Еще помнит, что у поэта вдруг вырвалось «О, Господи!», на что Нора съязвила: «Невероятно!.. Маяковский призывает Господа. Вы разве верующий?», на что тот ответил: «Ах, я сам ничего не понимаю теперь... во что я верю!..»

Но бешеную переписку их запомнят в тот вечер все. С немного испуганной улыбкой Нора писала ему уже на картонках, выломанных из конфетной коробки, а поэт «жестом игрока в рулетку» бросал ей через стол ответы. «Картонные квадратик летали через стол над миской с варениками туда и обратно, — пишет Катаев. — Всюду валялись... клочки разорванных записок и яростно смятых бумажек». Потом поэт вышел в соседнюю комнату, а следом пошла и Нора. Она пишет, что села рядом с ним в кресло и погладила его по голове. «Уберите ваши паршивые ноги», — уклонился он. Сказал, что сейчас в присутствии всех скажет Яншину об их отношениях. «Был очень груб, всячески оскорблял меня...

\* 8.9

Предсмертное письмо.

\* 10

Номер «Рабочей Москвы», посвященный смерти поэта.



НА ПЕРВОМ ДОПРОСЕ ВЕРОНИКА ПРИЗНАЛАСЬ: СКАЗАЛА, ЧТО НЕ ЛЮБИТ ЕГО И ЖИТЬ С НИМ НЕ БУДЕТ. ВОТ ПОСЛЕ ЭТИХ СЛОВ ОНА И ВЫСКОЧИЛА НА ЛЕСТНИЦУ, ГДЕ ДОГНАЛ ЕЕ ЗВУК ВЫСТРЕЛА



Но... если в начале вечера я возмущалась, была груба с ним... теперь же чем больше он наносил мне самых ужасных, невыносимых оскорблений, тем дороже он мне становился. Меня охватила нежность и любовь к нему... Но нежность моя раздражала его... Он вынул револьвер. Заявил, что застрелится. Грозил, что убьет меня. И водил на меня дуло...»

Словом, вечер переставал быть томным.

Пишут, что поэт не раз выходил из комнаты и Катаев (так вспомнит Регинин) даже жутковато пошутил по этому поводу: «Не бойтесь, — сострил, — Вертеров больше нет, не повесится...», выстрела поэта в сердце оставалось меньше 10 часов.

И уже два дня, как было написано его предсмертное письмо.

### Развязка

Расходились то ли в третьем, то ли в пятом часу утра (воспоминания тоже, увы, расходятся). «Маяковский, — пишет Катаев, — торопливо кутал горло шарфом, надевал пальто, искал палку и шляпу, насморочно кашлял... Впереди была обычная суматоха, толкотня, назначение свиданий, неразбериха кашне, шапок, пальто, кепок... Кто-то зевал... Слышу трудное, гриппозное дыхание Маяковского. — Вы совсем больны! У вас жар!! Оставайтесь, умоляю. Я устрою вас в диване. — Не помещусь...»

«Начало светать, — вспомнит Регинин. — Мы вышли и пешком направилась в сторону Басманной». К дому Полонской и Яншина (Каланчевская ул., 4) дошли не все, но поэт все время шел впереди с Норой. Сзади плелся с кем-то Ян



шин, который, как в плохих пьесах, ни о чем не догадывался: ни о романе жены, ни об аборте, который она сделала от поэта несколько месяцев назад, ни о кооперативе на квартиру, в который вступил уже Маяковский, чтобы жить в ней с Полонской как с женой, ни о том, с кем она часами разговаривала по телефону в общей комнате их, когда из-за конспирации могла говорить лишь «да» и «нет». Маяковский в последние дни только и слышал от нее эти два слова: «да», придду, или «нет» — не хочу.

Так она ответит ему через несколько часов в его комнате на Лубянке, когда он спросит: пойдешь ли она за него замуж?

Маяковский был как-то в доме у Полонской, но в этот раз расстались у подъезда. Условились, он заедет за ней на такси в 8.30, считайте через 3–4 часа, чтобы отвезти к себе. Спал ли он в ту ночь — неизвестно, но известно, что отсюда ушел пешком на Гендриков, в их общину с Бриками, но теперь пустую квартиру (те благополучно, а может, и нарочно уехали в Берлин) и ровно в 8.30 вернулся за Норой.

«Был яркий солнечный день, — рассказывала Скоритину 85-летия Полонская. — Совсем весна. — Как хорошо, — сказала я. — Смотри, какое солнышко! Неужели у тебя сегодня опять вчерашние глупые мысли? Давай бросим все... Дашь слово?» Конечно, спустя десятилетия память подвела Нору, ведь, как установили ныне, в тот день с 7.00 до 13.00 была «сплошная облачность», но нестыковки и даже лжи в ее тогдашних показаниях окажется немало. Впрочем, поэт ей ответил в то утро согласно ЦИДРОМЕТЦЕНТРУ: «Солнца, — сказал, — не замечаю. Мне не до него. А глупости я бросил. Я понял, что не могу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому нет дела...»

Важнее другое: Скоритин да и Нора не могли не знать в 1980-х, что накануне того дня поэт, встретив на Мясницкой Михаила Светлова, вдруг спросил его изумленно: «Неужели меня убьют?» Что после встречи с ним Михаил Зощенко сказал друзьям, что с Маяковским плохо и, приложив два пальца к виску, показал, как он застрелится. Что какой-то женщине, Лавинская пишет «кажется, жене Альтмана» — он, буквально накануне, 13 апреля, не только прочел свое предсмертное письмо, но горько сказал: «Я самый несчастливый человек в СССР и — должен застрелиться». И, наконец, что жена Асеева «под известым секретом» скажет через годы подружке, что перед самоубийством поэт не раз звонил жене и все повторял: «Коля, я знаю точно, меня все равно убьют...»

Так что солнце в то утро слепило только Полонскую, а поэт, заперев за ней дверь в своей коммуналке на Лубянке, сел на полу у ее ног и задремал. Так пишет Нора в книге, которую сначала редактировала Лиля, а потом ее не печатали 48 лет. Нора не раз меняла показания следователям, говорила, что успокаивала поэта, что любит и уйдет от мужа. Но на первом допросе —

вот момент истины! — призналась: сказала ему, что не любит его и жить с ним не будет («сожительствовать»), как сказано в деле за № 02-29).

Вот после этих слов она и выскочила на лестницу, где догнал ее уже не Маяковский — звук выстрела его.

## ЗЛЫЕ ГЕНИИ

(Спасопесковский пер., 3/1)

Все и поныне расписано по минутам, но темно в этой истории. Любила — не любила, следили — не следили, убили — не убили? Было ли подделано его предсмертное письмо? Специально ли уехали за границу Брики? Причастны ли к смерти его Лиля Брик или даже Полонская, которую подозревают ныне в сотрудничестве с органами? Наконец, из того ли пистолета стрелялся, а главное — о чем говорил с Норой в последние минуты? Мы ведь даже не знаем причины выстрела. Из-за любви его или все-таки из-за ненависти к нему, живому?

Все эти тайны хранит с 1931 года дом в Спасопесковском — «писательский кооператив», в котором станут жить Сельвинский, Смеляков, Андроников, даже до 1970-х Натан Эйдельман. Здесь же, с 1931-го должен был жить и Маяковский, он в год смерти купил здесь квартиру, где собирался, разъехавшись, наконец, с Бриками, жить с Норой. Но в новый и просторный дом въехали как раз Брики: Ося, Лиля и новый муж ее — комкор Примаков. Здесь, на лестнице, между 4-м и 5-м этажами, умрет от инфаркта в 1945-м первый муж Лили Ося, хитроумный теоретик и «свободной любви», и порохового футуризма, а

\*11

Лиля и Осип Брики, сотрудник советского посольства и Владимир Маяковский в Париже. 1923 год.



третий муж ее — Василий Катанян — устроит позже на каждой площадке подъезда — скамеечки для Лиля. Чтобы отдыхала, не задыхалась главная «дрессировщица» поэта, которая, образно говоря, не въехала в эту квартиру его, а — «схала» на нем всю жизнь.

**Лилия**

Она дрессировала его с 1915-го, когда он, влюбившись, посвятил ей поэму «Тринадцатый Апостол», как называлось тогда его «Облако в штанах». И как дрессировала? Однажды, например, сяди на подоконнике за шторой, отделявшей их от гостей, он начнет гладить ее ноги. «Вспомни, за этим окном впервые, ноги твои испуганно гладил». Лилия строго заметит: «ноги — это в быту, а тут поэзия, нельзя же подвывать себя, как в действительности». И он заменит «ноги» — на «руки». Потом по ее слову будет менять всё: зубы и привычки, взгляды и мнения, маршруты поездок и направления творчества, друзей и любимых женщин. Про один роман, отбросив «смехунёчки» (их слово!), напишет ему ультимативно: через две недели буду дома «и требую: чтобы всё было ликвидировано». А позже вообще проговорится: хочу, чтобы не просто подчинился моему желанию, а «был бы рад» этому...

Шкловский на старости лет скажет: «Она ненавидела его всю жизнь». Вечный «друг дома» Кольцов, уже в тюрьме, когда и лгать не было уже причины, напишет: «Брики в течение 20 лет были настоящими паразитами, базируя на Маяковском свое материальное и социальное положение». А Пришвин просто назовет ее ведьмой: «Отчетливая, — скажет, — ведьма...» Еще бы! Десетки разведенных ею мужчин, сотни затянутых в постель (она даже спрашивала порой Осю: «Ты не помнишь, спала ли я с таим-то?», что тому очень нравилось) и конечно — миллионы одуроченных



12

\*12 Спасовесковский переулок, 3/1. Дом, хранящий тайны.

\*13 Лилия Брик и Владимир Маяковский. 1918 год.

\*14 Семья у гроба поэта. 15 апреля 1930 года.

ей и ныне. Какая там «Беатриче» и «Лаура», как величают ее одуроченные? — с начала 1920-х секретный сотрудник ЧК-ОГПУ (удостоверение № 15073), которая, как признается поэт в письме к Элли Джонс, была «злым гением» его и «о каждом шаге его сообщала в НКВД» и у которой, досказку, постель была «ответработой» по ведомству литературы. Да что хлопотать-доказывать, и правительство, и самого Сталина обвела вокруг пальца.

Именно к правительству обратился поэт в предсмертном письме. Помните: «Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витгольдовна Полонская». И попросил устроить им «сносную жизнь». И что же? Сначала Лилия участливо посоветует юной Полонской не ходить на похороны поэта: «Не отвлекайте... последние минуты прощания его родным», а потом, ссылаясь на то, что та не была на похоронах, порекомендует ей не претендовать и на наследство. Всё просто и всё — подло!

«Меня пригласили в Кремль, — вспомнит Нора. — Принял человек по фамилии Шибайло.





Сказал: «Вот Владимир Владимирович... вас сделал наследницей. Как вы к этому относитесь?» Я попросила его помочь мне, так как сама не могу ничего решить. Трудно... — «А хотите путенку куда-нибудь?» — ответил он. Вот и все», — заканчивает Полонская.

Нет, далеко не всё. Наивная Нора, возможно, и не узнала, что через месяц вышло два постановления Совмина РСФСР: открытое и закрытое. В открытом наследниками числились Лилия, мать и две сестры поэта. Каждой дали четвертую часть пенсии поэта — по 300 рублей. А вот доли в авторском праве определило другое — секретное постановление; оно закрепляло за Лилей уже половину прав, а за тремя остальными — прямыми наследниками поэта — вторую половину. Это решение в Спасовесковском отмечали широко. На фотографии сняют все: Лилия, Ося, Катаня, чеховисты Эльберт и палач интеллигенции с «бабыным лицом» Агранов, даже живой еще Кольцов.

«Все глядится как одна семья, в дом которой пришла нечаянная радость, — пишет писатель

\* 15

Лилия Брик.  
На закате жизни.

\* 16

Похороны Поэта.

Ваксберг: — Чем счастливее лица... тем тягостнее разглядывать сегодня этот кошмарный снимок... Впрочем, и это не всё. Совмин был поднят. Впереди у нее был — сам Сталин. И говорю я не о знаменитом его провозглашении поэта (с подачи Лили и Агранова) «лучшим, талантливейшим поэтом нашей эпохи» в 1935-м, после которого возникли площадь и памятник поэту, но главное баснословные тиражи его (читай, лиланы деньги!), нет.

Я говорю о том, как вождь спас ее от смерти. Да-да!

### Сталин

Просто когда-то, в далеком 1918-м, поэт, в самый разгар их романа, перехватил письмо любовника Лили — Яши Израилевича, одного «прожигателя жизни». Поэт отыщет Яшу, и они так сцепятся, что оба с свивками окажутся в милиции. А через восемнадцать лет (!), когда в 1936-м арестуют мужа Лили Примакова (его «Дело» вел друг и Лили, и Примакова — все тот же Агранов), — «возьмут» и Яшу. И знаете, за что? «За знакомство с женой Примакова». Это — с Лилей — за то давнее знакомство! Чисто мела ЧК! Только вот саму Лилию не тронули. Оказывается, Сталин, листая списки на арест, вычеркнул Лилию: «Не будем трогать жену Маяковского...» А ведь она не была женой поэта, и даже любовницей не была «справной» — вечные измены. Она была «дрессировщицей» (а по словам поэта Вознесенского — и «с хлыстом»).

И, рискну сказать, Сталин именно за это и ценил ее.

Она покончит самоубийством. Отравится нембуталом. В 1968-м напишет Эльзе Триоле, сестре: «Жить здорово надоело, но боюсь, как бы после смерти не было еще страшнее». И завещает развеять свой прах над полем. Но след все равно ведь остался...



Маяковский прямо сказал: «Я к вам приду...». Но не ушли из литературы делячество, заказуха, гомерическая пошлость и страсть к називе. Все, увы, повторяется.

Помните, Ленин назвал поэта «шутком гороховым». Но знаете ли вы, что через два года Куприн уже в эмиграции напишет статью с тем же названием — «Шуты гороховые». Только будет она и про большевиков.

«Футиристы, — напророчит, — были вещими птицами большевиков. Недаром те и другие связались и переплелись в такой тесной дружбе, которая окончится их обоюдной гибелью. Ничего нет легче, как быть большевиком или футуристом. Для этого требуется только дерзость и бесстыдство... Футуризм сказал сам себе: «Труд? — Отвратительно. Учиться? — Скучно. Слава? — Приятно. Деньги? — Еще вкуснее».

И там же сказал и про нас, сегодняшних. «Что публика любит наипаче? — спросил. — Скаandal, похабщину и все, что вне ее понимания: будь это высокая мудрость или самая пошлая мистификация... Луни ее, дуру, по головам палкой! Она это обожает...»

И грустно, и страшно!

Впрочем, лучше всех сказала о нем Цветаева. «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-поэта, на тринадцатый поэт встал и человека убил».